

С.В. Стахорский

Борис Годунов

Герой трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» (первая редакция — 1825, последующие до 1830; первоначальные названия — «Комедия о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве», «Комедия о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве»; вариант жанрового обозначения — драматическая повесть). Историческим прототипом героя Пушкина является Борис Федорович Годунов (ок. 1552–1605) — боярин (с 1580), выдвинувшийся в годы опричнины, назначенный умирающим Иваном Грозным одним из опекунов его сына, Федора Ивановича; фактический правитель страны в царствование последнего; с 1598 — царь и великий князь всея Руси.

При создании образа основным источником послужила «История государства Российского» Н. Карамзина. Отсюда Пушкин почерпнул сведения о том, что погибший в Угличе малолетний царевич Димитрий был убит по наущению Годунова. Эту легенду, достоверность которой во времена Пушкина вызывала серьезные сомнения, поэт положил в основу трагедийной коллизии. Стремясь «воссоздать век минувший во всей его истине», Пушкин тем не менее творит художественный образ, в котором черты исторического лица нанесены на портрет, сложившийся в воображении поэта.

Помимо реального прототипа у пушкинского Бориса Годунова имеется ряд литературных прообразов. Это прежде всего герои Шекспира — Генрих IV, Ричард III, Король Джон, Макбет, Клавдий. В Борисе Годунове можно проследить следы персонажей классицистической трагедии (в частности Гофоллии Расина). Влияние последней особенно существенно с точки зрения художественной эстетики образа.

На Бориса Годунова не распространяется пушкинская формула стиля этой трагедии: «стиль трагедии смешанный» (письмо к Н. Раевскому, 1829). Весь образ Бориса Годунова выдержан в едином патетическом стиле, тогда как Самозванец олицетворяет «смешанный стиль», соединяющий высокое и низкое, патетику и буффонаду, стихотворные и прозаические диалоги, что вполне соответствует образу романтического героя, каким является этот персонаж. Борис Годунов и Самозванец, будучи сюжетными противниками, одновременно выражают противоборство двух художественных направлений — классицизма и романтизма. (Последнее способно многое объяснить в оценках героев трагедии современной Пушкину критикой: почему, например, П. Катенин ополчился на Самозванца, а В. Белинский был особенно резок в суждениях о Борисе Годунове)

Образ Бориса Годунова присутствует во всех (двадцати трех) сценах трагедии, начиная с самых первых реплик, из которых выясняется, что, «затворясь в монастыре с сестрою, он, кажется, покинул все мирское». Об «ужасном злодействе», совершенном Годуновым, ведут диалоги Шуйский и Воротынский, Пимен и Григорий Отрепьев, правление Бориса обсуждают Шуйский и Афанасий Пушкин; о его свержении говорит Марина Мнишек «у фонтана» — и так далее до последних сцен, когда толпа штурмует Кремль, чтобы «вязать Борисова щенка», а потом, узнав о новом злодействе («Мария Годунова и сын ее Феодор отравили себя ядом»), — «в ужасе молчит».

Незримо присутствуя на всем протяжении действия, Борис Годунов непосредственно появляется только в шести сценах трагедии. Его роль включает пять больших монологов и почти лишена диалогов. Последние остаются неразвернутыми, как бы обрываются на полуслове. Еще Н. Полевой не без иронии заметил, что пушкинский Борис Годунов все время уходит. Ремарка «уходит» повторяется с редким постоянством. В первой своей сцене, после коронации, Борис Годунов, выслушав присягу бояр, уходит поклониться «гробам почивших властителей России». В пятнадцатой картине просит беседы у Патриарха и сразу уходит. Услышав страшное обвинение Юродивого, опять

уходит. В последней своей сцене сообщает Басманову, что «нужно поговорить», и уходит. Почти во всех случаях ремарка «уходит» возникает в момент, когда должен начаться диалог, способный прояснить нечто существенное. Уход буквальный (со сцены, из действия) символизирует психическое состояние Бориса Годунова, его постоянное желание погрузиться в себя, спрятаться от посторонних глаз. Это, однако, не только состояние, но и положение Бориса, который, по его же словам, «отложил пустое попеченье»: став царем, по существу ушел от государственных дел и своих царских обязанностей; тем самым обрек себя на человеческое одиночество и социальную изоляцию.

Борис Годунов у Пушкина — носитель трагической вины. Его вина не в убийстве царевича Димитрия. Это скорее трагическая ошибка, гамартия, по терминологии Аристотеля. Вина же Бориса Годунова (вина социальная и онтологическая) в том, что он принял на себя роль, оказавшуюся ему не по силам, взялся за царский гуж и его не выдюжил. Узнав, сколь тяжела шапка Мономаха, столкнувшись с неблагодарностью народа, посчитал самым лучшим отложить попеченье, полагая это занятие совершенно пустым. За ошибку Борис Годунов судит себя сам, в полной мере осознавая, насколько «жалок тот, в ком совесть нечиста». Однако вины своей перед народом Борис Годунов так и не понял, расценив как безумство, «когда народный плеск иль ярый вопль тревожит сердце наше». За эту вину, за бессердечие власти судит Бориса Годунова народ и осуждает его на гибель, отказав в поддержке «мнением народным». В конечном счете Борис Годунов расплачивается за то, что все время «уходит». Наступает момент, когда начинают уходить от него — все приближенные, самые доверенные ему лица, подобно Басманову. Однако этот повсеместный уход царя от бояр и народа, народа от царя, всех от всех тем губелен, что оставляет государство московское в состоянии анархии, делая его легкой добычей для интервентов.

Образ Бориса Годунова вызвал разноречивые толкования в современной Пушкину критике. Н. Полевой считал, что характеру героя недостает развития — показано одно лишь состояние предсмертной агонии обреченного на муки совести царя-преступника. В. Белинский усматривал в пушкинском персонаже «мелкий и ограниченный взгляд на натуру человека». Как «жалкую мелодраму» расценил критик мысль поэта — «заставить злодея читать самому себе мораль». Иную оценку образу дал Н. Надеждин: герой, показанный «под карамзинским углом зрения, никогда еще не являлся в столь верном и ярком очерке». А. Дельвиг отмечал в Борисе Годунове изображение «самых тайных изгибов сердца его».